

UDC 947.0

«We Are Russia and You Are Ukraine and We Don't Care about You...»: Territorial Disputes within the Priazov Area and Donbas in 1920s¹ Evgeny F. Krinko² Igor E. Tatarinov

¹ Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Prospekt Chekhov, Rostov-on-Don, 344006

Doctor (History)

E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Independent researcher, Lugansk, Ukraine

PhD (History)

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Abstract. This paper is devoted to the formation of the Russian-Ukrainian border in the Priazov Area and Donbas in 1920s. It is based on the study of the documents of the Russian and Ukrainian archives, contemporary publications. In March 1920, the Soviets leadership handed Donbas (Donets Province) to the Ukrainian Soviet Socialist Republic. Western regions of the former Province of the Don Cossacks were also conceded. But the leaders of the Don (later – Southeast) Region of the Russian Soviet Federative Socialist Republic insisted on the lands return. The territorial dispute was completed in 1925, when the greater part of the Taganrog and Shakhtinsky Districts were accede to the North Caucasus Region of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. The new Russian-Ukrainian border was detected after long disputes. It remains the same.

Keywords the Priazov Area; Donbas; Russian-Ukrainian border; Taganrog District; Shakhtinsky District; Donets Province; Southeast Region; North Caucasus Region.

Введение. События завершающегося 2014 г. придали особую актуальность существованию границ в Приазовье и Донбассе между странами, менее четверти века назад входившими в состав единого союзного государства. Обращение к данным вопросам свидетельствует, что многие сегодняшние проблемы жителей приграничных территорий своими корнями уходят в прошлое. Особый интерес представляет период 1920-е гг., когда в Приазовье только формировалась граница между союзными советскими республиками – РСФСР и УССР.

Материалы и методы. Вопросы формирования российско-украинской границы в советской историографии обычно рассматривались в рамках концепции «дружбы народов», не допускавшей возможности обсуждения каких-либо претензий друг другу «братских республик». Только в последние годы появились работы, авторы которых разбирают перипетии взаимоотношений между РСФСР и УССР в 1920-е гг., опираясь на архивные документы. Среди них следует отметить статью Е.Ю. Борисёнок, опубликованную в 2005 г. [1]. Но главное внимание в ней уделяется формированию российско-украинской границы в районе Воронежской, Курской и Брянской губерний, а вопрос о ее южном участке считается менее значимым. Несомненный интерес представляет сборник документов, подготовленный Ю. Галкиным непосредственно по данной проблеме [2]. Формирование границы УССР в 1920-е гг. изучали В. Боечко, А. Ганжа, Б. Захарчук, В. Кузьменко, В. Сергейчук и другие украинские историки [3–7]. Как правило, они недооценивают произведенное в 1920-е гг. разграничение в Приазовье и на Донбассе. Данная статья подготовлена на основе изучения как уже опубликованных материалов, так и документов из архивов России (Москвы, Ростова-на-Дону, Таганрога) и Украины (Киева, Луганска). Авторы опираются на принцип историзма, рассматривая формирование российско-украинской границы в контексте определенной эпохи, используют, помимо общенаучных, методы источниковедческого анализа, а также историко-системный и сравнительно-исторический методы.

Обсуждение и результаты. После Гражданской войны перед руководством страны встали вопросы о новом национально-государственном и административно-территориальном устройстве. Однако установить границы по этническому принципу было крайне сложно. К тому же большевики, декларируя право наций на самоопределение в годы войны, придавали данному лозунгу тактический характер, связывая его реализацию с решением конкретных политических и социально-экономических задач. Так, 15 марта И.В. Сталин, как председатель Украинского совета Трудовой армии, подписал постановление об образовании Донецкой губернии из частей Харьковской, Екатеринославской губерний и Области Войска Донского [8]. Это решение выходило за пределы его компетенции, но получило поддержку в Москве и в Харькове, являвшемся в то время столицей УССР. Уже на следующий день по инициативе В.И. Ленина СНК РСФСР поручил административной комиссии при ВЦИК составить план образования губернии так, чтобы она включала «всю горную

промышленность и достаточное для полного обеспечения местного населения количество продовольственных уездов и волостей из соседних губерний». 23 марта СНК РСФСР конкретизировал поручение, предложив, чтобы в состав губернии входила «из казачьих областей южная часть Донецкого и северная часть Черкасского округов» [9, с. 586–587]. Несмотря на протест казачьего отдела ВЦИК, 28 марта это постановление было утверждено. Советское руководство рассчитывало передачей Донбасса укрепить украинский пролетариат и обеспечить политическую лояльность правительства СССР, к тому же разделяло на части непокорную «казачью Вандею».

Мнение же Донского исполнительного комитета вообще не учитывалось. Более того, обратившись в ВЦИК по данному вопросу, Донисполком получил 19 марта разъяснения о том, что Донская область останется в существующих границах. 30 марта он телеграфировал в округа о том, что «Донская область сохраняется в старых территориальных границах с сохранением прежнего административного деления по округам, станицам, волостям» [2]. Между тем, 16 апреля Президиум Всеукраинского ЦИК утвердил границы Донецкой губернии, включив в нее помимо частей Харьковской и Екатеринославской губерний, территории бывшей Области Войска Донского: а) Донецкого округа – станицы Гундоровскую, Каменскую, Калитвенскую, Усть-Белокалитвенскую, волость Карпово-Обрывскую, б) Черкасского округа – станицы Владимирскую и Александровскую, «далее на запад условная линия, Казачьи лагеря, Мало-Несветаевская, Нижне-Кременская и далее до границ с Таганрогским округом», в) Таганрогский округ целиком [10].

Принятые решения парализовали управление на местах. Партийная конференция Таганрогского округа телеграфировала о своем возмущении «неразберихой, творящейся вокруг вопроса о границах Донецкой губернии и Донской области. Луганск телеграфно предписывает Таганрогу, ссылаясь на Постановление СНК, подчиняться ему. Ростов-на-Дону на это телеграфирует Таганрогу, что границы Донской области остаются прежние. Часть Таганрогского округа без ведома Таганрогского окружного ревкома уже занята Донецкой губернией, где представители Луганска грозят представителям Таганрога арестом вооруженной силой». В ответ из Москвы сообщали, что вопрос о границах Донецкой губернии решен СНК и утвержден ВЦИК: «Никаких изменений или уклонений быть не может. Таганрог входит в Донецкую губернию» [11].

Добавил неразберихи изданный Донецким губернским исполкомом приказ № 11 от 12 июля 1920 г., где перечислялись входившие в состав губернии районы. В нем отмечалось, что станица Луганская, входившая до того в состав Миллеровского района Донской области, присоединяется к Луганскому району Донецкой губернии. Казаки станицы Луганской категорически возражали против этого, а местные советские органы, находясь в нескольких километрах от Луганска, продолжали исполнять директивы и предписания, приходившие из Миллерово. Луганский районный продовольственный комиссар докладывал в райисполком 21 июля 1920 г. о том, что «Луганский станичный исполком подчиняется до сего времени Миллеровскому райисполкому, получая от него предписания. Обращаем Ваше внимание на ненормальность сего явления, тормозящего проведение продовольственной политики на местах...». Аналогичные сигналы шли и из отдела народного образования, просившего Луганский райисполком «дать окончательный ответ, кому они должны подчиняться – Миллерову или Луганску». В ответ была получено уведомление, что «Луганская станица действительно присоединена к Луганскому району Донецкой губернии» [12].

Тем не менее украинская сторона не была удовлетворена, рассчитывая на гораздо большие территориальные приобретения. Генеральный прокурор и нарком юстиции УССР Н.А. Скрипник выдвигал требования «приобщить к украинской территории Воронежскую, Курскую, Черноморскую, Азовскую, Кубанскую области и подчинить эти земли правительству УССР» [13]. В подготовленном проекте «О внешних границах УССР» указывалось на необходимость присоединения к УССР ряда территорий Курской, Воронежской губерний, населенных, как считали его авторы, преимущественно украинским населением [3, с. 52]. Для рассмотрения данного проекта ЦИК СССР создал специальную комиссию во главе с председателем ЦИК Белорусской ССР А.Г. Червяков.

В свою очередь, руководство Донской области (с 13 февраля 1924 г. – в составе Юго-Восточной области) настаивало на возвращении утраченных территорий, составивших в 1923 г. Таганрогский и Шахтинский округа Донецкой губернии. Донецкий губернский исполком, напротив, ходатайствовал о присоединении Приморской волости Ростовского округа. 23 мая 1923 г. Президиум Госплана УССР указал на нецелесообразность возвращения Шахтинского района, «охватывающего огромную часть всего антрацитного района с городом Таганрогом». В то же время он считал необходимым «дополнительно разработать вопрос о возможности передачи Юго-Восточной Области узкой полосы по Донцу с Белой Калитвой», признав, что та «имеет ряд серьезных оснований претендовать на город Таганрог и сельскохозяйственную часть Таганрогского округа в силу старых торговых связей с Ростовом, а также в силу общности сельскохозяйственной структуры Таганрогского района с Юго-Восточной Областью» [2].

11 июля 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) сочло «желательным» присоединение Таганрога и Шахт к Юго-Востоку «с тем, чтобы передаваемая территория в особенности с украинским населением была бы сокращена» [14]. Для точного определения границ была создана специальная комиссия. В ходе обсуждения руководству Донецкой губернии и Юго-Восточной области удалось достичь компромисса о передаче большей части Шахтинского и Таганрогского округов из УССР в РСФСР к 1 октября 1924 г.

Однако Шахтинский окружной комитет КП(б)У высказался категорически против вхождения в состав Юго-Востока. На партийных собраниях рудников, заседаниях бюро райкомов и окружных партийных конференциях принимались резолюции, призывавшие сохранить единый Донбасс. Соответствующие материалы публиковались и в периодической печати Донбасса.

21 октября 1924 г. Комиссия ЦИК СССР по урегулированию границ между РСФСР, УССР и БССР постановила провести границу УССР с РСФСР в Шахтинском округе по рекам Северскому Донцу и Большой Каменке. К Северо-Кавказскому краю, в состав которого 16 октября вошла Юго-Восточная область, переходили часть Сорокинского района севернее реки Северский Донец, станица Гундоровская и хутор Плешаково. К Донецкой губернии – часть Сорокинского района южнее Северского Донца, хутора Власово и Королево. Из Таганрогского округа в составе Донецкой губернии оставались Амвросиевский, Екатериновский и Федоровский районы, части Голодаевского и Матвеево-Курганского районов [15]. Но запротестовали сельские жители пяти названных районов. Прошедшие в них в конце 1924 г. собрания жителей выступили за присоединение к Северо-Кавказскому краю. Основными аргументами они называли удаленность от окружного и губернского центра – г. Сталино (в настоящее время – Донецк) и тяготение к Таганрогу, незнание «чужого для нас украинского языка» и, как следствие, «непонимание всех распоряжений, издаваемых правительством». Особые опасения высказывались в связи с проводившейся на Украине украинизацией языка, вызывавшей необходимость «переродиться во всех отношениях жизни» [16]. Против отторжения части районов от Таганрогского округа высказалась и XII окружная партийная конференция. В результате Президиум ВЦИК 17 ноября 1924 г. признал вопрос «недостаточно проработанным и несогласованным с точки зрения национальной и экономической» [2].

К концу 1924 года у Комиссии ЦИК СССР по урегулированию границ между РСФСР, УССР и БССР сложилось достаточно ясное понимание позиции сторон и степени обоснованности их претензий. Но только 13 июля 1925 г. Президиум ВЦИК постановил утвердить решения паритетной комиссии. В состав РСФСР были включены: а) Федоровский, Николаевский (с городом Таганрогом), Матвеево-Курганский, Голодаевский районы, восточная часть Екатериновского района Таганрогского округа; б) Глубокинский, Ленинский, Каменский, Усть-Белокалитвенский, Владимировский, Сулинский, Шахтинский (с городом Шахты) районы и части территории Сорокинского и Алексеевского районов Шахтинского округа. 21 сентября ВЦИК отклонил ходатайство Северо-Кавказского крайисполкома по вопросу о присоединении сел Мариновки, Успенского, Григорьевского и Петропавловки к Таганрогскому округу [17]. В составе Донецкой губернии УССР остались Шарাপовский и Ровенецкий, части Сорокинского и Алексеевского районов Шахтинского округа; Дмитриевский, Красно-Лучский и Амвросиевский (кроме Мариенгеймского сельсовета) районы, часть Голодаевского и Екатерининского районов Таганрогского округа.

Постановление ЦИК СССР «Об урегулировании границ Украинской Социалистической Советской Республики с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Белорусской Социалистической Советской Республикой» 16 октября 1925 г. окончательно утвердило новые границы. Согласно Постановления ЦИК СССР, устанавливались следующие границы между УССР и РСФСР. Часть Сорокинского района к северу от Северского Донца отходила к РСФСР, южная оставалась в УССР. Далее граница шла по Северскому Донцу вплоть до впадения в нее Большой Каменки. Станица Гундоровская отходила к РСФСР, но рудники оставались в УССР. Хутора Нижний Шевырев и Плешаков отходили к РСФСР, а хутора Власов и Королев оставались в УССР «с тем, что землепользование всех этих хуторов остается без изменения до производства землеустроительных работ». Далее граница шла между землепользованиями совхоза «Красная Могила» и хуторами Ковалево, Платово и Гуково, по границе Шарановского района. Проходя по территории Алексеевского района и оставляя в УССР землепользования станицы Остаховой и хуторов Нижне-Ефремовского, Нижне-Александровского и Верхне-Тузловского, граница доходила до Таганрогского округа. Проходя по старой окружной границе Шахтинского и Таганрогского округов на протяжении 5 верст, шла по направлению к реке Тузлову по районной границе между Голодаевским и Дмитриевским районами до реки Миус. Далее по Миусу, при этом села Мариновка и Григорьевка оставались в УССР, а слобода Голодаевка отходила к РСФСР, как и немецкие колонии Бишлеровка, Мариенгейм и Густафельд. Далее по границе Амвросиевского района до речки Средний Еланчик, по землепользованиям села Покрово-Киреевки, хуторов Екатеринославского, Слюсаревы до балки Грузский Еланчик, оставляя северо-западную часть Екатериновского района в пределах УССР. Далее граница шла по балке Грузский Еланчик вплоть до границы Мариупольского округа [18].

В документах украинских партийных функционеров отмечалась «полная однородность хозяйственно-экономической структуры смежных округов УССР и Сев. Кав. Края РСФСР» и наличие «хозяйственной коллизии, которая создана с момента установления существующей государственной границы и требует, в связи с этим, скорейшего разрешения» [19]. Но в некоторых районах в результате установления новых границ возникли серьезные экономические противоречия между двумя республиками. Наиболее характерным является противостояние между поселка Меловое Старобельского округа УССР и станции Черткове Северо-Кавказского края РСФСР, возникшее уже в 1926 г. Так, в письме секретаря Старобельского окружного партийного комитета Д. Казачкова в ЦК КП(б) Украины 11 января 1926 г. говорилось о территориальных притязаниях со стороны Северо-

Кавказского края на входивший в состав округа Меловской район. В то же время сам А. Казачков не забыл упомянуть и о намерениях украинской стороны добиться вхождения станции Чертково и Леоно-Калитвинского района в состав УССР. Товарооборот спорных регионов был настолько значительный, что секретарь Старобельского ОПК ходатайствовал о переносе из Старобельска в Меловое филиала Украинбанка [20].

Экономическая ситуация приобрела настолько острый характер, что был поставлен под удар план хлебозаготовок в этих сельскохозяйственных районах. Д. Казачков писал, что на станции Чертково к 1 марта 1926 г. скопилось более 300 тыс. пудов хлеба от украинских хлебозаготовителей, сложенных на открытых, непригодных для хранения площадках. По мнению автора письма, подача вагонов для отправки грузов намеренно тормозилась Миллеровским окружным исполкомом. Применялись и иные меры экономической борьбы [21]. В других документах отмечались случаи недоброжелательного, а местами и враждебного отношения между сторонами. Так, в письме Меловского районного комитета партии от 26 августа 1926 г. в Старобельский окружной комитет речь шла об отказе представителей Северо-Кавказского края провести совместную первомайскую праздничную демонстрацию с мотивировкой: «Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела». Приводились факты «переманивания» населения поселка Меловое в Чертково на различные культурно-массовые мероприятия путем организации на то же время бесплатных киносеансов. Острой оставалась ситуация вокруг рынков обоих поселков. Российская сторона проводила более гибкую налоговую политику, путем введения более мягких налоговых ставок, в результате большая часть торговцев с украинского Мелового отправлялась торговать в Чертково. На Меловском рынке падал товарооборот, и как следствие, поступления в местный бюджет. Но главное недовольство Старобельского окружного комитета вызвало то, что его специальную комиссию не допустили к ознакомлению с работой украинских заготовительных организаций на станции Чертково по распоряжению главы Маньково-Калитвинского исполкома Серова и секретаря райкома партии Туменко. Комиссии заявили: «...мы знаем цель Вашего приезда, но Ваше дело не выйдут. Мы никогда не согласимся присоединиться к Украине, ...о котором мы и не думали...». Возмущение комиссии вызвали и слова заведующего клубом хладобойни Данцева, который «высмеивал украинизацию, особенно украинизацию кино». В словах Данцева члены комиссии усмотрели нотки шовинизма и неуважения [22]. Конфликт стал предметом разбирательств контрольных комиссий между Миллеровским и Старобельскими окружными комитетами, в ходе которых указанные факты высмеивания украинской делегации по национальному признаку нашли подтверждение [23].

Разочаровавшись в таких обращениях, Д. Казачков в октябре 1926 г. написал официальное письмо секретарю ЦК КП(б) Украины Л. Кагановичу, где указал на «вопиющие безобразия, которые творятся на границе УССР и Северо-Кавказского края, принимающие местами характер преступлений и о которых дальше молчать нельзя». Главными из них он считал пропажу украинского хлеба на площадках, препятствия в подаче вагонов под грузы и т.д. Отметив, что и экономически, и в этническом плане район станции Чертково тяготеет к УССР, Д. Казачков предложил устранить недостатки присоединением к УССР Маньково-Калитвинского района, где население «на 70–80 % украинское». Он полагал, что потеря станции Чертково для Северо-Кавказского края не была ощутимой, поскольку имелась крупная узловая станция Миллерово, а также ряд станций по направлению к Чертково, «а у нас Чертково единственный выход» [24]. Изложенные факты легли в основу секретной докладной записки (апрель 1927 г.) в ЦК ВКП(б) «По вопросу об исправлении государственных границ УССР и Северо-Кавказского края в районе ст. Чертково». В том же году в проекте постановления Политбюро ЦК ВКП(б) об исправлении указанных границ было зафиксировано положительное мнение членов Политбюро по данному вопросу и рекомендация фракции ЦИК СССР «оформить передачу бывшей Леоно-Калитвинской волости Донского округа Северо-Кавказского края в состав Старобельского округа УССР» [25].

Аналогичные аргументы приводились и в отношении Донецко-Шахтинского округа, отторжение которого от УССР, по мнению украинской партийной верхушки, «совершенно искусственно делит хозяйственно-целостную единицу – Донбасс – между двумя республиками, что, конечно, не может не отражаться на оперативном управлении промпредприятиями. Наряду с этим, возвращение Украине Таганрогского округа, насчитывающего в настоящих его границах всего лишь 257 тысяч жителей, т.е. 37 % от украинского округа, даст возможность, во-первых, путем изменения его границ, поднять хозяйство и экономику как города Таганрога, так и округа в целом, – а во-вторых, выпрямить в этом месте государственную границу, врезающуюся узким и длинным клином в территорию УССР» [26]. Однако далее дело так и не продвинулось, и данный вопрос было решено более не поднимать.

Выводы. Несмотря на длительность подготовки очередного территориального передела, в отличие от того, который происходил в 1920 г., российско-украинская граница разделила ряд населенных пунктов, а также сложившуюся производственную инфраструктуру – предприятия, шахты, колхозы, линии коммуникаций, что не могло не отобразиться на их социально-экономическом состоянии. С распадом СССР, когда очертания республик приобрели характер действующей государственной границы, это создало немало трудностей в решении различных вопросов для жителей российско-украинского приграничья [27].

Таким образом, положенные в основу преобразований этнографический принцип и экономическая целесообразность так и не удалось рационально и эффективно совместить. Этнически однородное население некоторых областей оказалось разделено между двумя республиками, а разрыв экономики некоторых регионов привел к переориентации народного хозяйства и местами к упадку ряда центров.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках поддержанного РНФ проекта № 14-18-01442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азовско-Черноморском регионе».

Примечания:

1. Борисёнок Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 205–237.
2. Галкин Ю. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. М.: Щербинская тип., 2007. 64 с.
3. Боечко В., Ганжа А., Захарчук Б. Границы Украины: историческая ретроспектива и современное положение. Київ: Основи, 1994. 168 с.
4. Кузьменко В. До історії формування північно-східного та східного кордонів України (1917–1925 рр.) // Університетські наукові записки: Часопис Хмельницького університету управління та права. 2005. №4 (16). С. 26–30.
5. Кузьменко В. Етнополітичний фактор у формуванні північно-східного та східного кордонів Української СРР (1917–1925 рр.) // Актуальні проблеми політики: Зб. наук. пр. Вип. 22. Одеса, 2004. С. 94–100.
6. Кузьменко В. Етнічні меншини прикордонних районів Української РСР в 20–30-х рр. ХХ ст.: раціональне та ірраціональне у вирішенні проблеми захисту кордонів // Актуальні проблеми політики: Зб. наук. пр. Вип. 29. Одеса, 2006. С. 478–488.
7. Сергійчук В. Етнічні межі і державний кордон України. Київ: ПП Сергійчук М.І., 2008. 560 с.
8. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО). Ф. Р-482. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.
9. Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1974. Т. 7. 676 с.
10. ТФ ГАРО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 86.
11. ТФ. ГАРО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 3.
12. Государственный архив Луганской области (далее – ГАЛО). Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 79. Л. 12–14.
13. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины). Ф. 3833. Оп. 1. Д. 197. Л. 56.
14. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 448.
15. ТФ ГАРО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 178. Л. 15.
16. ТФ ГАРО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 18. Л. 5–8, 13, 15, 17–20, 22, 30, 34.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5637. Оп. 6. Д. 6.
18. Известия. 1926. 31 января.
19. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 20. Д. 1813. Л. 35.
20. ГАЛО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 107. Л. 3–5.
21. ГАЛО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 107. Л. 11.
22. ГАЛО. Ф. П-4. Оп.1. Д. 216. Л. 18–20.
23. ГАЛО. Ф. П-4. Оп.1. Д. 216. Л. 30.
24. ГАЛО. Ф. П-4. Оп.1. Д. 107. Л. 45–48.
25. ГАЛО. Ф. П-4. Оп.1. Д.216. Л. 13–18.
26. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1813. Л. 35–36.
27. Ионова Л. Чертковское везение // Российская газета. 2011. 8 февраля.

References:

1. Borisenok, E.Y. Ukraine and Russia: dispute about borders the 1920s // Regions and borders of Ukraine in historical retrospect. M.: Institute of Slavic Studies, 2005. P. 205–237 (in Russian).
2. Galkin, Yu. Collection of documents about the border dispute between Russia and Ukraine in 1920–1925 for the Taganrog-Shahtinskii territory of the Don region. M.: Shcherbinskaya typ., 2007. 64 p. (in Russian).
3. Boechko, V., Ganja, A., Zakharchuk B. Borders of Ukraine: historical perspective and current situation. Kiev: Osnovi, 1994. 168 p. (in Ukrainian/in Russian).
4. Kuz'menko, V. On the history of the formation of the northeast and eastern borders of Ukraine (1917–1925) // University research note: Journal Khmel'nitsky University of Management and Law. 2005. №4 (16). P. 26–30 (in Ukrainian).
5. Kuz'menko, V. Ethno-political factor in the formation of the northeast and eastern borders of the Ukrainian SSR (1917–1925) // Actual problems of policy: Coll. scienc. pr. Vol. 22. Odessa, 2004. P. 94–100 (in Ukrainian).

6. Kuz'menko V. Ethnic minorities in border regions of the Ukrainian SSR 20–30's. XX century: rational and irrational in addressing border protection // Actual problems of policy: Coll. scienc. pr. Vol. 29. Odessa, 2006. P. 478–488 (in Ukrainian).
7. Sergiychuk V. Ethnic boundaries and the border of Ukraine. Kiev: PP Sergiychuk M.I, 2008. 560 p. (in Ukrainian).
8. Taganrog branch of the State Archives of the Rostov Region (hereinafter – TF GARO). F. R-482. Op. 1. D. 1. L. 27.
9. The decrees of the Soviet government. M.: Politizdat, 1974. T. 7. 676 p. (in Russian).
10. TF GARO. F. R-1. Op. 1. D. L. 86.
11. TF GARO. F. R-1. Op. 1. D. 3.
12. State Archives of Lugansk Region (hereinafter – GALO). F. R-242. Op. 1. D. 79. L. 12–14.
13. Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (hereinafter – TsGAVO Ukraine). F. 3833. Op. 1. D. 197. L. 56.
14. Russian State Archives of Socio-Political History. F. 17. Op. 3. D. 448.
15. TF GARO. F. R-10. Op. 1. D. 178. L. 15.
16. TF GARO. F. R-10. Op. 1. D. 18. L. 5–8, 13, 15, 17–20, 22, 30, 34.
17. State Archives of the Russian Federation. F. R-5637. Op. 6. D. 6.
18. Izvestiya. 1926. January. 31 (in Russian).
19. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (hereinafter – TsGAOO Ukraine). F. 1. Op. 20. D. 1813. L. 35.
20. GALO. F. R-4. Op. 1. D. 107. L. 3–5.
21. GALO. F. R-4. Op. 1. D. 107. L. 11.
22. GALO. F. P-4. Op. 1. D. 216. L. 18–20.
23. GALO. F. R-4. Op. 1. D. 216. L. 30.
24. GALO. F. R-4. Op. 1. D. 107. L. 45–48.
25. GALO. F. R-4. Op. 1. D. 216. L. 13–18.
26. TsGAOO Ukraine. F. 1. Op. 20. D. 1813. L. 35–36.
27. Ionova L. Chertkovsky luck // Russian newspaper. 2011. February. 8 (in Russian).

УДК 947.0

**«Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела...»:
территориальные споры в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг.**

¹ Евгений Федорович Кринко

² Игорь Евгеньевич Татарин

¹ Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Независимый исследователь, Украина
Кандидат исторических наук
E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена формированию российско-украинской границы в Приазовье и Донбассе в 1920-е гг. Она основана на изучении документов российских и украинских архивов, современных публикаций. В марте 1920 г. советское руководство передало Донбасс (Донецкую губернию) УССР. Вместе с ним отошли и западные районы бывшей Области Войска Донского. Однако руководители Донской (позже – Юго-Восточной) области РСФСР настаивали на возвращении земель. Территориальный спор завершился передачей в 1925 г. большей части Таганрогского и Шахтинского округа в Северо-Кавказский край РСФСР. В ходе долгих согласований была определена новая российско-украинская граница. Она сохраняется до настоящего времени.

Ключевые слова: Приазовье; Донбасс; российско-украинская граница; Таганрогский округ; Шахтинский округ; Донецкая губерния; Юго-Восточная область; Северо-Кавказский край.